

УДК 811.163.2'373.72

Яна Сивилова
(Софія, Болгарія)
e-mail: ianasivilova@abv.bg

ТАК ВОТ, ДЕРЖИТ ЛИ РЕШЕТО ВОДУ?

*В этой статье сделан опыт восстановления первоначальной семантики выражения **нести воду в решете**. Автор исследует его значения в античной традиции, которые сравнивает с болгарским и вообще славянским фольклорным материалом. В исследовании поставлен акцент на представлении об решете как одном из символов земли и женского начала, что и определяет его место в свадебной обрядовости.*

Ключевые слова: символ, решето, свадьба, зерно.

Сивілова Я. Так ось, чи тримає решето воду?

*У цій статті зроблено спробу з'ясування первісної семантики вислову **нести воду в решеті**. Автор досліджує його значення в античній традиції, які порівнює з болгарським і взагалі слов'янським фольклорним матеріалом. У дослідженні поставлено акцент на уявленні про решето як один із символів землі і жіночого начала, що й визначає його місце у весільній обрядовості.*

Ключові слова: символ, решето, весілля, зерно.

Sivilova Ya. So could you draw water in a sieve?

*The article attempts to restore the original semantics of the expression **to carry water in the sieve**. The author draws attention to the significance of the ancient tradition, which she explores comparing Bulgarian and Slavic materials. The study focuses on the idea of the sieve as one of the symbols of the earth and the femininity, which also determines its place in the rites of transition. The ambivalence of the motif, meaning both death and new birth, is emphasized. Attention is also paid to the male semantics analyzed earlier by other scholars, which binds the sieve with the cloud and the celestial vault. A hypothesis is put forward about the existence of an archaic cosmogonic concept of heaven and earth as vessels made of clay.*

Keywords: symbol, sieve, grain, wedding.

И в сегодняшней Болгарии есть еще люди, которые помнят, что в детстве их бабушки и дедушки рассказывали о терапевтической функции ношения воды в решето. Несмотря на то, что как занятие это было бессмысленной деятельностью, она отражалась благотворно на здоровье, и поэтому врачи ее предписывали людям (*инф. ИИ, 53 л. из гор. Монтана, личный архив*). Подобные рассказы свидетельствуют о сильном влиянии, которое этот древний мотив оказывает на воображение.

В данной статье я рассматриваю этимологию фразеологизма *носить воду решетом* 'я дурак, занялся бессмысленными делами'. В фольклоре болгарской свадьбы этот мотив появляется с несколько иным значением.

Кум требует от обслуживающих праздничное застолье родственников молодожена, чтобы те принесли ему воду в решето; им следует догадаться и подать ему на стол помещенный в сито или решето колотый лед (он и есть замороженная вода), принесенный из реки [7, с. 212]. В некоторых регионах Болгарии в обряде, что к вызову дождя – *Бабочка*, – хозяйки домов поливают ряженную зелеными веточками девушку водой через сито [8, с. 153], а в других ее посыпают мукой через сито [11, с. 59–60].

Здесь, как видно, трудно установить связь между продырявленным сосудом и глупостью.

Надо упомянуть, что в качестве устойчивого сочетания данный фразеологизм широко распространен во многих странах Европы [14, с. 64–65]. Существует он и на греческом языке: *Κοσχίνω ὕδωρ ἀντλεῖς* «Несу решетом воду (гребу)» и по латыни *non pluris refert quam si imbremis in cribrum* «не полезнее, чем носить дождевую воду решетом», откуда, вероятно, письменными и речевыми путями перекочевал и нашел место в ряде европейских языках, также известен и в немецком языке: *mit einem (mit dem) Sieb Wassee schopfen*, в английском: *to carry (draw, fetch) water in a sieve*.

Выражение установилось во всех славянских языках: русский: *решетом воду носить* ‘впустую труд’ и *решетом воду мерить* (иноск.) ‘понапрасну терять время’, белорусский: *насіць ваду у решэце*, укр. *носити воду решетом*, серб. *носити воду у решету*, словенл: *nosit' vodu u site*, польск. *nosic wode rzeszotiem*, чешск. *nabírat vodu řešetem* [15, с. 81].

Из этих примеров видно, что у всех народов ношение решетом воду воспринимается как выполнение некоей бесполезной, бессмысленной деятельности, отсюда и развитие семантики выражения следует в двух направлениях – с одной стороны те, кто занят этой деятельностью, соображают как дураки, с другой стороны – как проигрывающие бессмысленно свое время. Хотя такая интерпретация и представляется вполне оправданной, я берусь за этот вопрос, поскольку, как мы уже видели в некоторых болгарских и, как я покажу несколько ниже, в славянских обрядах, мотив *носить воду в решето*, очевидно, имеет иную семантику. Обычно при толковании такого расхождения исходят от гипотезы, что с распадом мифологического сознания ритуал становится якобы неясным, и для наблюдателя со стороны он начинает выглядеть как некое глупое, бессмысленное действие.

Так ли это на самом деле?

А. Топорков опубликовал обширный материал об отношении данного выражения к ритуалу и появлению мотива в различных фольклорных жанрах [15, с. 81–89]. Он рассматривает взаимосвязь между ритуальным действием и термином и так приходит к выводу, что фразеологизм является первичным относительно конкретной мифологемы и ритуальной

практики [16, с. 81–89]. По словам ученого, сито уподобляется облаку и небесному своду, семантика которых проявляется в загадываниях (*Сито вито решето покрыто* – Небо и Земля [13, с. 433]. Этот вопрос очерчен еще А. Афанасьевым, который указывает на соответствия в индийской традиции, где облака считаются небесными коровами [1, с. 571].

Первые из зафиксированных выражений, однако, направлены не столько к небесному, сколько к земному толкованию.

В древности носильщики воды в решете были те, кто населяли царство Аида, они были обречены проводить вечно время в тщетных усилиях в качестве грешников или непосвященных [19, с. 50–52].

Считается, что мотив *носить воду в решето* засвидетельствован впервые в письменной форме у Платона. В сочинении «Горгий» греческий философ отмечает, что ту часть нашей души, в которой находятся наши желания, можно назвать бочкой (*πίθος*). А та же самая часть души у безрассудных, неразумных, названных (*ἀνόητοι*) так же, как один италийский или сицилийский митограф назвал непосвященных (*ἀμύητοι*), и есть проколота бочка (*πίθος*) из-за ненасытности оной. Из обитателей царства мертвых Аида непосвященным выпала самая несчастливая доля, так как им положено наливать воду в проколотую бочку (*πίθος*) другим вытекающим сосудом – решето. «Решето – сказал мне тот, чей рассказ я слушал – и есть душа, и на схожесть указывал души неразумного с решето, так как было оно проколотым и ничего не могло в себе содержать, поскольку непостоянной такая душа была, и забывала она» [9, с. 138].

Здесь нам видно, что связь между неразумностью (рассматриваемой как непосвященность и отсутствие памяти) и переноской воды в решете имела место в древней Греции. Так, возможно, еще в те времена значение ритуала было непрозрачным для говорящих и для них оно означало не более чем бездумное поведение? По Платону, выходит, с одной стороны, что несущие решето воду – ненасытные, с другой стороны – они же имеют склонность забывать.

Можно предположить, что подобные интерпретации дали начало распространенному на сегодняшний день английскому выражению *memory like a sieve*, калька от которого появилась и в болгарском языке в последнее время: *память как сито*. Такое сравнение непосредственно соответствует описанию Платона.

Еще в первом веке до нашей эры в античности тот же мотив связан с мифом о Данаидах, пятидесяти дочерях царя Даная, которые в день своей свадьбы убили своих суженных, и за это в казнь им было дано носить воду в решето в царство Аида [18, с. 71].

По Дионисию Галикарнасскому, римлянам также была неизвестна та же поговорка [24, с. 513]. Он повествует о весталке по имени Тукция,

которую обвинили в том, что переступила через данную богине Весте присягу. Чтобы доказать свою непогрешимость, Тукция зачерпнула решетом воды из Тибра и принесла его в храм перед толпой [24, с. 513].

В Болгарии мотив известен и из мифических песен, рассказывающих о Стояне (другие варианты – Тодор), который ведет к речному броду двенадцать пар буйволов, чтобы напоить их водой. Там находит бродницу:

*Бродница, многоведающая:
Ногами реку останавливала
решетом ее перецеживала,
сыром оборачивала;
Солнышко в ладонь держала,
Месяц за пазуху укладывала,
Звезды в подол собирала.*

(<http://liternet.bg/folklor/motivi-3/tri-samodivi-stoyan/liliak.htm>).

За это зрелище герой расплачивается жизнью. Мотив также известен в других вариантах, в которых вместо Бродницы навстречу Стояну выходят три лесных нимфы, Чудо-Юда, Поповы дочери или ведьма.

В **волшебных сказках** славянских народов (хотя это зафиксировано также в Шотландии и в Англии [18, с. 69–70]), ношение воды в решето является испытанием для падчерицы приданной в служанки у Бабы Яги. Героиня выполняет невозможную поручку с помощью волшебного помощника – сороки. Птица помогает девушке выполнить задачу, поведав прикрыть отверстия в решете глиной. Оказавшись при тех же самых обстоятельствах, родная дочь, услышав сорочий совет: «Глинкой, глинкой», берет в руки кромку земли, метает в сороку и убивает ее [13, с. 436].

Мотив естественным образом присутствует в **анекдотической традиции**, к примеру. В болгарском анекдоте про бабушку, которая потчует дедушка собачиной (вместо свининой, которая сама съела). Перед тем, как сесть за стол, она посылает старика за воду с решетом, но он справляется с испытанием (по совету ворона, вороны, жука, пчелы), смазывает глиной/воском отверстия [6, с. 458–459].

Исходная семантика

Решето (сито), в котором носят воду, является символом, который, по Юнгу, стимулирует воображение. Он таинственный, интуитивный, но постоянное использование его отполировало, и он превратился в бессмысленный парадокс [17, с. 149]. Подразумевается несоответствие между содержанием и содержимым, которое можно рассматривать в двух аспектах – воду транспортируют в кувшине, горшке или в каком-либо другом глиняном сосуде, т. е. решето (сито) рассматривали как бочку или *πίθος* без дна, как разбитый кувшин, кадушка без дна, треснувший

горшок, и так далее. В самом деле, такая интерпретация близка к описанной Платоном, согласно которой непосвященные обречены вечно наливать воду в бочках (píthos) без дна из других еще более не задерживающих воду сосудов.

С другой стороны, решето (сито) используется для просеивания муки (зерна), т. е. здесь вода является вместо зерна/пшеницы/кукурузы/овса в метонимии. Причина идет на замену следствию согласно типичному архаичному образу мышления (ср. змей, который держит воду и не подпускает к ней селян, а после его убийства из рассеченной туши не вытекает вода, но вытекает то, что принесет процветание – реки из меда, вина, пшеницы и т. д., т. е. такой взгляд представляет воду в качестве эквивалента плода (рождаемости, урожая), пришедшего после орошения).

В результате этих двух представлений возникают новые возможности для успешного решения задачи посвящёнными – т. е. носить воду в решето; они либо замазывают просверленные отверстия, обращая таким образом негодный сосуд в здоровый, или изменяют агрегатное состояние воды (лед).

На Полесье (с. Рясно, Житомирская область, Емельчинский район) [15, с. 87] в понедельник утром, после свадьбы, кум делит молодоженам калач, и прежде чем покинуть застолье, подает им два стакана на решете, чтобы утолили жажду, и расплёскивает воду; молодые принимают сосуд и успевают выпить несколько капель. В других местах во время свадьбы молодой паре подают воду в решето с квартой (пинтой) в нем [15, с. 87]. Поскольку центральное место в исследованных традициях (славянской и древней) занимает связь переноски воды в решето со свадьбой, начнем анализ именно отсюда.

Во-первых, должно быть уделено внимание **сексуальной символике** – ношение воды в решето является доказательством целомудрия, и, следовательно, решето обозначает женское лоно. Это соответствует представлению о женщине в ипостаси сосуда. Эта связь очень прозрачна в доказательстве, приведенном весталкой Тукцией в подтверждение факта своего целомудрия. Она «сделала то, что пословица считает невозможным» почерпая воду в решето, отнесла ее на Римский форум и вылила его в ноги понтификов в храме Весты [24, с. 513]. Такая интерпретация содержится и в мифе о Данаидах, убивших своих супругов в брачную ночь. Они наказаны за грех запирали в переходе между двумя статусами – они больше не являются девственницами, но и не смогли с успехом примкнуть к группе замужних женщин [23, с. 586–587].

Именно с этой семантикой решето или продырявленный сосуд принимает участие в ряде церемоний по мере протекания народной свадьбы. У нас население долины реки Места сохранило обычай испытывать невесту: перед вхождением в свой будущий дом она пинком

ноги опрокидывает полный водой кувшин. Разбивание сосуда и разлитие воды можно рассматривать как знак девственности, а если произойдет наоборот – как плохое предзнаменование [3, с. 28]. После брачного свода свекровь ставит рубаху невесты в решето и, удерживая его в одной руке, ведет хоровод. Принято считать, что подпрыгиваниями во время танца стимулируют плодородие земли [7, с. 129].

Очень близко к русским обрядам с разлитием воды в решете стоит наш обычай, при котором молодожены едят пищу из общей тарелки одними приборами, чтобы в будущем не было разлуки. Напоследок, покидая трапезу, невеста толчком сбрасывает сосуд со стола, и он разливается [10, с. 141].

Аналогичная семантика существовала в свадебных обычаях античности – пить вино и разбить стекло – действие, первоначально происходящее во время венчания [16, с. 198]. Известно также, что в Древней Греции практиковали ритуал «женитьбы с горшками», так же в день своей свадьбы жених молотил вдребезги тростью выставленные в ряд горшки [16, с. 198].

Эти аналогии выясняют семантику одного из обычаев региона Полесья, что истолкован А. Топорковым как шуточный и вторичный по отношению к фразеологическому выражению, возникшему как его пародийное соответствие. На практике это эквивалентно болгарскому благословию: «*С небес пусть на них текло, с земли пусть к ним расло*» – это есть подражательная магия, которая должна обеспечить полноводие, а вместе с ним и изобилие добра в хорамах новой семьи. Как благословение, а не в шутку произносят такое и пожилые люди в области Полесья, когда уверяют подавшую им воду девушку: «Как только на посад сядешь, я тебе воду решетом принесу» [15, с. 87–88]. Напомним, что для того, чтобы благословлять кого-нибудь, вы должны иметь соответствующие наживки [7, с. 220]. В нашем обычае пожелание высказывается кумом, он же крестной отец – человеком, который должен обеспечить связь между поколениями. Он вводит молодых людей в мир иной, а затем выводит их детей и может повлиять на плодородие брака [8, с. 186].

Во-вторых, в тесной связи с эквивалентностью между ситом (решетом) и женским лоном: вытекающая сквозь него вода воспринимается как **метафора родов** и по этой причине используется для магических функций, которые направлены обеспечить его успешное осуществление.

Как эквивалент женского лона решето или пробитый сосуд появляются в своей вторичной функции. Несмотря на то, что она оказалась очень устойчивой и лучше всего сохранились в материалах XIX и XX веков, исходное значение шаблона аграрное. Решето становится

метафорой женского лона, так как оно воспринимается как смысловой эквивалент рожающей земли. В древности один из эпитетов Деметры в *Элевсинских мистериях* был никак иначе, чем *Деметра Сито*. От Платона узнаем, что именно непосвященные в этих мистериях были наказаны носить воду в решето и заполнять ею продырявленные бочки (*píthos*) [10].

Ломка посуды при рождении ребенка и на свадьбе аналогична метанию вдребезги разбитого глиняного сосуда перед выходом в поле в первый день жатвы, сбора урожая [10, с. 73]. Спараллеливание человеческой жизни с жизнью зерна (и хлеба) поддерживается целым рядом обрядов в народной традиции. При рождении пуповину ребенка срезают серпом, на свадьбе постоянно сеют зерно [8, с. 182–183]. Высевают свекровь и теща, невеста «сеет» зерно около очага при вхождении в новый дом, кум «засеивает» всю свадьбу и дети, нагибаясь, собирают семена с земли, а после выпрямляются – как будто семена растут и становятся детьми [8, с. 182–183].

В конце жатвы также ломают керамику как нарушение целостности и имитации рождения.

Восприятие земли как лоно и приравнивание ее к решету оставило след в веровании, что в определенные периоды времени она и становится решетом. Тогда мертвые покидают свои селения и отправляются в мир живых. В этих отрезках законы времени и пространства уничтожены, границы между мирами живых и мертвых удалены, и царит хаос. В эти дни не только умершие приходят в гости к своим живым родственникам, но и бродят по земле злые духи, упыри, вампиры, некрещенные и т. д. демонические силы [4, с. 175].

Связь мотива с **миром мертвых** можно очень хорошо узреть в античности, где несущие воду решетом являются обитателями царства Аида. Аналогия между бочкой без дна и царством смерти сделана еще Зенобием, который называет «*aplestos píthos*» [18, с. 71] именно царство Аида, потому как некая ненасытная пасть, которая пожирает всех, кто умирает, и никогда не заполняется до конца [18, с. 71]. Очевидно, что эта аналогия связана с функциями бочек (*píthos*) как похоронными урнами. Их закапывали по самую выпуклую часть в земле, и в них находили приют останки или прах усопших. Известен также греческий обычай хоронить детей в маленьких горшках, чтобы уподобить образ плода в утробе матери [16, с. 198].

Хотя, в принципе, и нет никаких доказательств об обрядах, которые проводились во время Элевсинских мистерий, о гомеровском гимне, что посвящен Деметре, мы знаем, что они гарантируют благословленную загробную жизнь, богатство и успех в этом мире [22]. Принимавшие участие в мистериях, пока живы, радуются за время своей жизни любви и жалованьям двух богинь (Деметры и Кору), которые им посылают

Плутоса (Ploutos), дарующего добро, как спутника (партнера) в сердцах и домах [23, с. 219]. Основные религиозные обряды обычно проходят осенью (в основном осень время сева во всем Балканском регионе). Высказаны мнения, что мистерии поставлены на основе мистического празднования природного цикла. В них Деметра символизирует мать землю, а ее дочь Кора – Персефона – зерно. Похищение и возвращение Персефоны есть таким же, как и посев семян и рост молодого колоса в почве, а в более общем смысле – и ежегодное увядание (смертью) и последующее возобновление растительности. Мистерии как бы призваны внушить, что исчезновение и возвращение Персефоны из царства смерти символизирует судьбу человеческой души, которая исчезает, но может возродиться. По мнению других авторов, мистерии заканчиваются показом родов и одновременного появления пшеничного колоса, а новорожденное дитя и есть сам Плутос.

В связи с этим предполагается, что ношение воды в решето является одним из мистических испытаний. Священные обряды таинства воссоздают жизнь после смерти, они же и инициация предотвращения наказания в загробном мире, применяя его в более мягкой форме при жизни [19, с. 50-2].

Аналогичную картину показывает нам и А. Потемня, исследуя корни славянских слов *страдание* и *мука*. По его словам, в одной из украинских народных сказок, в которой змея спрашивает у хлеба, чем же он заслужил столько уважения, и он ей отвечает, что его молотили, мололи, месили, в печи пекли, и мучением своим заработал свое место на столе [12, с. 41]. Само слово *мука* из индоевропейского корня со значением раздроблять; *скорбь* из индоевропейского корня со значением *резать*; *жаль, жалость*, болг. *жал*, из индоевропейского корня со значением *пытать, пронзать* [21], так же и слово *горечь* от *гореть*, *печаль* от *печь* – все они есть названия психических состояний и фактически связаны с различными стадиями приготовления хлеба. Также о много пережившем, выдавшем виды человеку у сербов и болгар существует выражение *прошел через сито и решето*. Украинцы используют то же самое выражение со значением «знающий, опытный человек»: *пройти (перейти) крізь сито й решето*.

С другой стороны, в болгарской фольклорной свадьбе ношение воды в сито или решето выполняется и когда жених «завязан», т. е. ему сделан заговор/приворот [8, с. 193]. Кроме семантики женского лона, а отсюда – рожаящей земли, сито с водой равнопоставлено мужскому началу – небесному своду, «облаку» и дождю – символика, проанализированная А. Топорковым [15] и А. Афанасьевым [1], на которую мы уже указывали выше. Таким образом, если у ношения воды в решето есть мужская («небесная») и женская («земная») семантика, принадлежит ли эти два

значения к различным традициям? Можно ли считать, что одно из них, ясно определенное в античности, связано с культом к мертвым предкам, а второе – более позднее, направлено на поклон к богу-громовержцу? Более вероятно, что и два символа являлись отражением одной из моделей мироздания, представляющей землю и небо как бы сделанных из одной и той же твердой материи (глины), как плита и т. зв. *врѣшник* (посуда к печению хлеба), между которыми выпекается хлеб – земное плодородие и жизнь.

Если вернемся к значению фразеологического выражения, очевидно, до возникновения рационального отношение к ношению воды в решето как к глупости, напрасной трате времени и непроизводительному труду, его осмысливали таким образом в рамках той самой мифологической традиции. По О. Фрейденберг, глупость – одна из метафор смерти. Она является некоторой фазой временного сумасшествия, объединяющей в себя бешенство и неистовые проявления; а прекращение ее заканчивается регенерацией [16, с. 129]. Следовательно, ношение воды в решето есть один из символов перехода как на макро-, так и на микрокосмическом уровне. Оно связано с чередованием сезонов, с осуществлением важных хозяйственных действий, с рождением, браком и смертью отдельного человека, с природными и общественными катаклизмами – суша, ведение войны и т. д. По меркам фразеологизма оно отождествляется с периодом смерти и из-за этого определяется как некое глупое действие, вполне лишенное смысла. Однако развертывание выражения в пословице четко очерчивает встроенный в него амбивалентный характер. В России говорят, что «учить дурака, как воду в решето носить», но одновременно с тем также утверждают, что «хорошие люди несут воду в решето» [15, с. 84]. В сказках, как тестовое испытание, задача успешно решается одним из героев, но приводит к провалу других персонажей. Для дологического образа мышления смерть является состоянием перехода, и это никогда не является окончательным. Смерть знаменует конец одной фазы и начало новой жизни. По этой причине ношение воды в решето играет такую важную роль и в свадебной церемонии. Успешное осуществление перехода характеризуется способностью нести воду в решето – это знак мудрости и знания, но дураки, неженатые, непосвященные, вампиры, злые духи, дьявол, солдаты – все те, кто расположен между двумя мирами, приговорены, как было уже сказано выше, к бессмысленному, непроизводительному труду. Они остаются в царстве Аида и пьют воду из источников реки Леты – реки забвения. А сама этимология слова *забвение*, болг. *забрава*, у нас от более старого *заборавя* с префиксом *за-* «после» и *боравити* «жить, проводить время, проживать где-то», вероятно, от *b.v.- от *быти* «есть», русское *забыть* (*тот, который после бытия*) – понимается именно как смерть [2].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. Москва: Современный писатель, 1995.
2. Български етимологичен речник, под редакцията на Вл. Георгиев. Т. 1. София: Издателство на БАН, 1971.
3. Вълчинова, Г. Сечко и Марта – формирането на един митологичен комплекс в българската народна култура. // Етнографски проблеми на народната духовна култура, Т. 2. София: Издателство на БАН, 1994.
4. Георгиева, И. Българска народна митология. София: Наука и изкуство, 1993.
5. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. Москва: Русский язык, 1978.
6. Даскалова-Перковска, Л., Д. Добрева, Й. Коцева, Е. Мицева. Български фолклорни приказки. Каталог. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1994.
7. Иванова, Р. Българската фолклорна сватба. София: Издателство на БАН.
8. Николова, В. Плитка на нивата – български обичаи при отглеждане на житните култури. София: АИ „Проф. М. Дринов”, 1999.
9. Платон. Диалози. Горгий. София: Наука и изкуство, 1982.
10. Платон. Държавата. <http://bogdanbogdanov.net/pdf/238.pdf>
11. Попов, Р. Пеперуда и Греман. София: Септември, 1989.
12. Потебня, А. А. О мифическом значении некоторых поверий и обрядов. Москва: Университетска типография, 1865.
13. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Т. 4. Москва: Международные отношения, 2009.
14. Тимошенко, И. Е. Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев: Тип. Петра Барского, 1897.
15. Топорков, А. Л. Етнолингвистични аспекти при изучаването на славяните. Въртредна реконструкция на фразеологизма нося вода в решето // Български фолклор, 1984, № 1. – С. 81–88.
16. Фрейденберг, О. Поэтика сюжета и жанра. Москва: Лабиринт, 1997.
17. Юнг, К. Г. Архетипове на колективното несъзнавано. В: Избрано, книга втора, Плевен: Евразия-Абагар, с. 142–195.
18. Hansen, William. Ariadne's Thread: A Guide to International Tales found in Classical literature. New York: Cornell University Press, 2002.
19. Keuls, Eva. Painter and Poet in Ancient Greece: Iconography and the Literary Arts. Stuttgart: Teubner, 1997.
20. Mihaylova, Biliana. Les mots exprimant la notion de «chagrin» en bulgare, en français et en roumain. // Съпоставително езиковедие, 2012, XXXVII (4). – С. 6–16.
21. Omeric Hymn to Demeter, translated by Gregory Nagy on <http://www.uh.edu/~cldue/texts/demeter.html>
22. Rohde, E. Psyche. The Cult of Souls and the Belief in Immortality among the Greeks. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., New York: Harcourt, Brace & Company, 1925.

23. The Roman antiquities of Dionysius of Halicarnassus, with an English translation by Earnest Cary, Ph. D., on the basis of the version of Edward Spelman – Scholar's Choice Edition. Palala Press, 2015.

Стаття надійшла 15.04.2017 року

УДК 811.161.2'282.2

Тетяна Тищенко
(Умань, Україна)
e-mail: ttn1609@ukr.net

ЧИСЛІВНИКИ У СТРУКТУРІ СКЛАДНИХ НОМІНАЦІЙ У ГОВІРКАХ СХІДНОПОДІЛЬСЬКОГО АРЕАЛУ

У статті проаналізовано типи і способи номінації різних тематичних груп лексики у східноподільських говірках, мотивовані або які мають у своїй структурі числівники. Досліджено тематичні групи конкретної лексики, зокрема «Бджільництво», «Тваринництво», «Рибальство», «Будівництво», «Одяг, взуття, прикраси» та лексику родильного обряду. Зауважено, що багатослівні номінації утворюються від основ порядкових та кількісних числівників. Основи кількісних числівників використовуються переважно для утворення однослівних номінацій та композитів. Порядкові числівники однаково активні у творенні номенів однослівних та аналітичних, рідше композитів.

Найбільшу активність виявляють числівники **один, два та перший, другий**, передаючи семи 'ранг', 'вік', 'розмір'.

Ключові слова: номінація, спосіб номінації, східноподільські говірки, типи номінації, тематична група лексики, лексико-семантична група.

Тищенко Т. Числительные в структуре сложных номинаций в говорах восточноподольского ареала.

В статье проанализированы типы и способы номинации различных тематических групп лексики в восточноподольских говорах, мотивированные или имеющие в своей структуре числительные. Исследованы тематические группы конкретной лексики, в частности «Пчеловодство», «Животноводство», «Рыболовство», «Строительство», «Одежда, обувь, украшения», лексика родильного обряда. Замечено, что многословные номинации образуются от основ порядковых и количественных числительных. Основы количественных числительных используются преимущественно для образования однословных номинаций и композитов. Порядковые числительные одинаково активны в образовании однословных и аналитических номен, реже композитов.

Наибольшую активность проявляют числительные **один, два и первый, второй**, реализуя семи 'ранг', 'возраст', 'размер'.

Ключевые слова: номинация, способ номинации, восточноподольские говоры, типы номинации, тематическая группа лексики, лексико-семантическая группа.